

леза (Кохъ, — способъ хотя на первыхъ порахъ и не оправдавшійся, но имѣющій нѣкоторые шансы), холеры (Хавкинъ ¹⁾), чумы (Хавкинъ еще производитъ опыты въ Индіи).

Все эти способы основаны на ослабленіи дѣйствія заразнаго начала путемъ введенія его въ кровь различныхъ животныхъ, отъ морской свинки и кролика до лошади, и затѣмъ на полученіи прививной жидкости изъ кровяной сыворотки.

Dr. Аванасевъ предлагаетъ иной способъ полученія вакцинъ, — изъ сока грануляціонной ткани.

Произведенная Dr. Аванасевымъ серія опытовъ показала что экспериментируемые животныя перенесшія мѣстное зараженіе грануляціонной ткани инфекціонными микроорганизмами, оказывающіяся (черезъ 8—10 дней) въ большинствѣ случаевъ *иммунными* (*невосприимчивыми*) ко вторичному ихъ зараженію чрезъ *свѣжія* раны, или же со значительно пониженною восприимчивостью къ данному зараженію.

Г.

Изъ журналовъ.

Мужики. А. П. Чехова (*Русская Мысль*, апрѣль, 1897).

По своему знанію деревни, ея быта, нравовъ и типовъ и умѣнью изображать ихъ удивительно просто и жизненно, А. Чеховъ занимаетъ первое мѣсто въ ряду молодыхъ русскихъ писателей. Эти же качества его таланта сказались въ новѣйшемъ произведеніи его „Мужики“. Авторъ не далъ указанія на то къ какой категоріи художественныхъ произведеній отнести эту небольшую вещь. По формѣ своей она не подходитъ подъ названіе ни разказа, ни очерка. Пожалуй, всего вѣрнѣе будетъ назвать ее жанровою картинкой изъ современной деревенской жизни или скорѣй даже группой такихъ картинокъ вставленныхъ въ одну общую рамку. Въ живописи главную заботу художника-жанриста составляетъ, во первыхъ, экспрессивность лицъ и фигуръ, а затѣмъ психологическая вѣрность изображаемыхъ типовъ, состоящая въ томъ чтобы выраженіе всякаго изъ нихъ, отражая его душевное

¹⁾ Anti-cholera inoculation. Report to the government of India. By W. M. Haffkine. Calcutta. Повидимому, антихолерныя прививки оказались удачными, судя по богатому матеріалу собранному въ этомъ докладѣ.

движеніе въ данный моментъ, въ то же время находилось въ тѣсной зависимости отъ общаго склада его характера и душевнаго строя. Вторая задача, несомнѣнно, наиболѣе трудная потому что для выполненія ея художнику недостаточно простой наблюдательности, а необходимо также глубокое знаніе человѣческой природы и вѣрное, чуткое пониманіе изображаемой имъ среды. Эти условія довольно рѣдки, но только присутствіе ихъ обезпечиваетъ художнику полный успѣхъ въ такого рода работѣ. Тѣми же требованіями что и въ живописи можно руководиться въ отношеніи къ жанровымъ произведеніямъ и въ литературѣ. Что они выполнимы, доказалъ намъ примѣръ нашихъ великихъ писателей: Гоголя, Тургенева и Толстаго, въ произведеніяхъ которыхъ жанръ какъ составная часть занимаетъ довольно видное мѣсто. Какъ образецъ въ этомъ случаѣ можно назвать хотя-бы „Мертвыя Души“ достигшія въ этомъ отношеніи высокой степени совершенства. Какъ же и насколько выполнилъ эти основныя требованія г. Чеховъ?

Фабула „Мужиковъ“ несложна. Крестьянинъ Николай Чикильдѣевъ много лѣтъ служившій лакеемъ въ одной изъ московскихъ гостиницъ заболѣлъ столь тяжело что службы продолжать не могъ и вынужденъ былъ вмѣстѣ съ женой Ольгой и дочерью Сашей вернуться въ родную деревню Жуково, въ ту же избу изъ которой ушелъ когда-то и отъ которой успѣлъ отвыкнуть за эти долгіе годы. Непріятно поражаетъ пришельцевъ эта давно забытая ими деревенская жизнь. Ихъ тяготятъ однообразные дни, забота о насущномъ хлѣбѣ, пьянство и грубость семьи. Старикъ, отецъ Николая, пьетъ и разоряетъ хозяйство неумѣньемъ вести дѣло; жена его, сварливая „бабка“, какъ зовутъ ее въ семьѣ и на деревнѣ, не даетъ никому покоя своимъ тяжелымъ характеромъ, но браня другихъ сама она ничего не умѣетъ устроить чтобъ улучшить положеніе семьи; старшій сынъ ихъ Кирыакъ пьетъ такъ сильно что нигдѣ не можетъ ужиться на мѣстахъ и безпощадно колотитъ жену свою, кроткую, безотвѣтную Марью; другая сноха стариковъ, красивая и молодая солдатка Оекла, совсѣмъ отбилась отъ рукъ и по цѣлымъ суткамъ пропадаетъ внѣ дома; дѣти всѣ забиты и грязны до нелзя. Николай мается нѣсколько мѣсяцевъ въ этой обстановкѣ и наконецъ умираетъ, причѣмъ смерть его ускоряется неумѣлымъ лѣченьемъ какого-то знахаря привезеннаго старухой. Ольга и маленькая Саша, несмотря на неприглядность окружающей обстановки, успѣли привязаться къ ней и къ домашнимъ, но не настолько чтобъ это помѣшало имъ весной съ удовольствіемъ вернуться въ городъ искать себѣ тамъ новыхъ

заработковъ.
заключительнѣ

Вся эта
обстановка
составляетъ здѣ
и тѣхъ подд
новѣстяхъ
лей. Типы и
и второстепен
сены такъ
чуждыя при
скій пожаръ
переговоры
самоваръ, и
укараулили
ромъ:

„Бабка
стеречь его
Саша посто
отомла къ
ку которая
на церковъ.
къ, солнце
точно окаме
церковъ:

— Въ
а у Бога л
зочки. Поч
городища и
страшно, с
матери. —
дутъ на п

— Съ
мий слогъ.

— Съ
въ рай, а
касатка...

„Мотык

— Ба

— Бу

Велѣдн

Р. В.

заработковъ. Обратное путешествіе ихъ въ Москву составляетъ заключительный эпизодъ.

Вся эта небольшая вещь написана очень живо. Крестьянская обстановка изображена правдиво и картинно. Мужичья рѣчь представляетъ здѣсь настоящий крестьянскій говоръ, безъ утрировокъ и тѣхъ поддѣлокъ подъ него которыя такъ часто рѣжутъ ухо въ повѣстяхъ изъ деревенскаго быта у менѣе талантливыхъ писателей. Типы и характеры дѣйствующихъ лицъ, какъ главныхъ такъ и второстепенныхъ, также очерчены хорошо и ярко. Отдѣльныя сцены такъ и дышатъ жизнью, описываетъ ли Чеховъ первыя впечатлѣнія пріѣзжихъ по возвращеніи ихъ на родину, или деревенскій пожаръ, или бесѣду въ избѣ въ долгій осенній вечеръ, или переговоры старика со старостой отобравшимъ у него за недоимку самоваръ, или столкновеніе бабки со внучками за то что тѣ не укараулили огородъ отъ гусей. Послѣдняя сценка особенно хороша:

„Бабка поставила Сашу около своего огорода и приказала стеречь его чтобы не зашли гуси. Былъ жаркій августовскій день. Саша постояла немного, соскучилась и видя что гуси не идутъ отошла къ обрыву. Тамъ она увидала старшую дочь Марьи Мотьку которая стояла неподвижно на громадномъ камнѣ и глядѣла на церковь. Мотька босая въ длинной рубахѣ стояла на припекѣ, солнце жгло ей прямо въ темя, но она не замѣчала этого и точно окаменѣла. Саша стала съ ней рядомъ и сказала, глядя на церковь:

— Въ церкви Богъ живетъ. У людей горятъ лампы да свѣчи, а у Бога лампадки красенькія, зелененькія, синенькія какъ глазочки. Ночью Богъ ходитъ по церкви и съ нимъ Пресвятая Богородица и Николай Угодникъ — тупъ, тупъ, тупъ... А сторожу страшно, страшно! И-и, касатка, добавила она, подражая своей матери. — А когда будетъ свѣтопреставленіе, то всѣ церкви унесутся на небо.

— Съ колоколами? спросила Мотька басомъ, растагивая каждый слогъ.

— Съ колоколами. А когда свѣтопреставленіе, добрые пойдутъ въ рай, а сердитые будутъ горѣть въ огнѣ вѣчно и неугасимо, касатка...

Мотька подумала немного, глядя въ землю, и спросила:

— Бабка будетъ горѣть?

— Будетъ, касатка!“

Велѣдъ за этимъ разговоромъ дѣвочки принимаются кататься

Р. В. 1897. V.

20

со ската внизъ по травѣ. Увлечшись этимъ удовольствіемъ, онѣ не замѣчаютъ какъ на огородѣ пробрались гуси, а за ними бабка. Старуха выгнавъ непрошенныхъ гостей пребольно сѣчетъ обѣихъ дѣвочекъ, послѣ чего „испытывая отчаяніе и громко плача Саша пошла къ избѣ чтобы пожаловаться; за нею шла Мотька которая тоже плакала, но басомъ, не вытирая слезъ, и лицо ея было уже такъ мокро какъ будто она обмакнула его въ воду“.

По этой короткой сценкѣ можно видѣть насколько высоко стоитъ произведеніе Чехова по экспрессивности: здѣсь нѣсколько отрывочныхъ фразъ даютъ объ особенностяхъ обѣихъ дѣвочекъ гораздо больше понятія нежели могли бы дать самыя длинныя характеристики ихъ. Мы ясно видимъ разницу и воспитанія городского ребенка съ деревенскимъ, и склада ума мечтательнаго у одной думающей о томъ какова будетъ кончина міра, и болѣе практическаго у другой тотчасъ же переносящей вопросъ на конкретную почву и спрашивающей будетъ ли горѣть нелюбимая ею бабка и т. п. Даже въ плачѣ Саши отмѣчено несходство его съ чисто деревенскимъ ребячьимъ ревомъ Мотьки что глубоко правдиво и придаетъ сценкѣ ту психологическую вѣрность которая составляетъ высшее достоинство жанровой картины. Этимъ качествомъ, однако, произведеніе Чехова надѣлено далеко неравномѣрно и въ характеристикѣ взрослыхъ его гораздо менѣе нежели въ характеристикѣ дѣтей. Зависитъ это, вѣроятно, отъ того что авторъ въ этомъ случаѣ почему-то черезчуръ односторонне пессимистически взглянулъ на жизнь деревни и ея обитателей. Вездѣ у него непроглядный мракъ, бѣдность, пьянство, озлобленная угрюмость или безсмысленно-тулая покорность какому-то злему року. Въ жизни нѣтъ подобной безпросвѣтлости, ее можетъ создать только болѣзненно настроенное воображеніе, и такое несоотвѣтствіе дѣйствительности съ тѣмъ какъ она представляется художнику вредитъ правдивости его творчества. Такъ было и тутъ. Если даже допустить что деревня Жуково гдѣ происходитъ дѣйствіе поставлена въ особенно печальныя внѣшнія условія, это во всякомъ случаѣ не можетъ искоренить въ ея обитателяхъ основныхъ свойствъ русскаго народа—его незлобія и покорности судьбѣ отнюдь не какъ злой силѣ, а какъ волѣ Божіей непостижимой для людей по ихъ недостоинству. Здѣсь же мы видимъ одно царство злобы и ненависти. Вѣроятно самъ чувствуя невѣрность тона созданную такую односторонностью изображенія жизни, авторъ постарался найти внѣшнюю причину объясняющую безотрадность положенія всѣхъ его героевъ и не совсѣмъ удачно избралъ для этой цѣли избитый мотивъ что

С.307. мужик "заеден средою". Это придавало произведению условность и некоторую тенденциозность, вредящую его качеству в художественном отношеніи.